

* * *

Почти реинкарнация, почти преодоление:
Поздравь меня, я научился закрывать глаза.
Размера компенсации не вынес,
с сожалением
Уходит по касательной мой ангел в небеса.
Меланхолично падая в могилу
понедельника,
Я отдаю романтикам без боя высоту.
И перочинным ножиком давлю
в себе бездельника,
Пытаюсь из-под кожи с корнем
вырвать красоту.
Согрев дыханьем улицу,
закрыв глаза на странности,
Быстрее и печальнее уходят поезда.
Стал пережитком прошлого.
В космической туманности
Мигает тусклым светом мне
полночная звезда.

* * *

Замазал шпаклевкой стену непонимания.
Поклеил обои.
Теперь можно жить как в раю.
У нас получилось с тобой
вавилонское здание.
В забытом любыми богами,
Любимом богами краю.

* * *

Понедельник опять обещает быть
очень тяжелым.
На неделю расписан давно
стихотворный паек.
На столбе привокзальном
висит кровеносным узором
Небольшая табличка ведущих
не к Риму дорог.
Обменяв все подкожные знаки
на что-то попроще,
Обездвижены статуи на разведенном мосту.
Где дороги, сливаясь в одну, выползают
на площадь.
Где, вращая корнями в асфальт,
те, кто могут, растут.
Всё твое и мое мы положим
на горсточку риффов,
Перемелем зубами слова в непечатную пыль.
И теперь, как герои былых
древнегреческих мифов,

Мы решаем упорно, как выглядит

новая быль.

Держат стены домов на себе

тяжесть зимнего неба.

На границе времен часовой без собак

и ружья.

Я не делал чернильниц ни из колбасы,

ни из хлеба,

И царя в голове не взрывал,

и не жил средь зверья.

Понимая язык бездорожных

лихих поворотов,

Не останется даже и капли сомнения в том –

Не душа, только тело не может прожить

без полетов.

Ну а я улыбнусь и исчезну чеширским котом.

* * *

Я человек небольшой,

Можно сказать, даже мелкий.

И из глубокой тарелки

Кушаю суп с лапшой.

Ты смотришь мне в рот.

Ты мельче меня и злее.

А я, допивая компот,

Расту на глазах и доброю...

* * *

Стреножили, встревожили,

Учили жить под кожей:

Иглой, змеёю, ниткою

И прятаться улиткою

В углах столиц заснеженных,

Доживших, но поверженных,

Спасенных, но простуженных

И съеденных за ужином.

Перченых пеплом времени,

Без рода и без племени,

Без имени и отчества.

Спасибо, Одиночество.

* * *

Утро тихой войны и ноющей боли.

Безличные местоимения небо атаковали.

Диезы любви превратились в бемоли

Рыцарей чести и высокой морали.

День чистых рук и разбитых коленок.

Приговоренных к жизни из адамового ребра.

Тень принимает кровавый оттенок

Под ногами солдат любви и добра.

Ночь без чудес и сказки без грима.

В нарисованном окне блуждают

ночные люди.

Ума – Семипалатинск, души – Хиросима.

Доброе утро, порезвились и будет.